

Статья опубликована в: VI Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: [сборник научных статей]. – Севастополь: Гит пак, 2012. – С.222 – 230.

УДК 821.111 – 3(09)

**ОППОЗИЦИЯ «МУЖСКОЕ-ЖЕНСКОЕ» В «ВОСПОМИНАНИЯХ
ЭЛИЗАБЕТ ФРАНКЕНШТЕЙН» ТЕОДОРА РОШАКА, ИЛИ ПРОБЛЕМА
СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Мусий Валентина Борисовна

*д. филол. н., профессор кафедры
мировой литературы Одесского
национального университета
имени И.И. Мечникова (Украина)*

urd7@rambler.ru

(066)2294308

В статье идет речь о романе Теодора Рошака как о переосмыслении Платоновского мифа об андрогине. В центре внимания – связь, которую устанавливает писатель, между утратой человечеством понимания языка Вселенной и отчуждением внутреннего и внешнего в человеке. Делается вывод о том, что Рошак проецирует мифему андрогинна и мистический алхимический брак на внутреннее «я» человека.

Ключевые слова: оппозиция, миф, андрогин, гендерная проблематика, интертекстуальность, мотив, романтизм, постмодернизм

В статті йдеться про роман Теодора Рошака як переосмислення Платонівського міфу про андрогена. У центрі уваги – зв'язок, який встановлює письменник, між втратою людством розуміння мови Всесвіту та відчуженням внутрішнього від зовнішнього у самій людині. Доводиться, що Рошак переводє

міфему андрогина та містичного алхімічного шлюбу до внутрішньої площини людського «я».

Ключові слова: опозиція, міф, андроген, гендерна проблематика, інтертекстуальність, мотив, романтизм, постмодернізм

The article deals with novel by Theodore Roszak as re-comprehending of the known Platon's myth ("The feast"). The attention is focused on the connection between author's idea about mankind's suffering a loss of the language of the Earth and it's splitting the "inside" from the "outside". The study results in such conclusion: Roszak has transferred the androgyne-mytheme and mystic connubial union of a man and a woman into the problem of an inner man.

Key words: opposition, myth, androgyne, gender problem, intertextuality, motive, Romanticism, postmodernism

Постановка проблемы и ее с современными литературоведческими направлениями. Представляя «Воспоминания Элизабет Франкенштейн» (1995) читателю, его автор, современный американский писатель Теодор Рошак, признался, что хотел отдать должное тем прозрениям, которые были «замаскированы» Мэри Шелли в ее романе. Главным образом его занимал миф, который был обнаружен английской писательницей XIX века и который затрагивает все аспекты мировоззрения, присущего людям и века двадцатого. Отсюда – **проблема:** о каком мифе идет речь, и какова его роль в художественной системе романа Теодора Рошака. Раскрывая тайны своего творческого процесса в период написания «Воспоминаний Элизабет Франкенштейн», Теодор Рошак, в частности, отметил, что ему пришлось «говорить» женским голосом, что привело к «чудесному превращению». Я, - сообщает писатель, - «брал в руки перо Элизабет, и мне будто открывались недоступные прежде тайны, женская точка зрения разворачивалась передо мной во всей ее непостижимой полноте». Эти слова автора определяют направления исследования романа. В первую очередь, это **гендерный** подход.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что точкой отсчета в понимании гендера все чаще оказывается не биологический пол, а «совокупность социокультурных характеристик, связываемых с тем или иным полом» [6, с. 42]. Поскольку же Т. Рошак говорил о мифе, изучение его романа требует обращения к анализу его **мифопоэтики**, другому, не менее перспективному направлению современного литературоведения. Работы, посвященные непосредственно этому роману американского писателя, нам не встречались, кроме одной статьи, вышедшей на английском языке [9].

Цели и задачи статьи: Выделить в тексте романа Т. Рошака основную мифологему, которая с одной стороны, поможет получить представление об авторской концепции, лежащей в его основе, а, с другой – включить его в ряд произведений, ядро которых составляет тот же миф.

Теодор Рошак известен как радикальный эколог, отвергающий мифологизацию прогресса и склонность придать науке мистическую силу [10, с. 79]. Именно в таком плане, как оппозицию «техническое – естественное», предлагает рассматривать проблему соотношения «мужского» и «женского» в этом романе о последствиях пост-Просветительского рационализма, традиционно связывающегося с торжеством мужского начала, Т. Коллинз.

Оппозиция «мужское – женское» универсальна и имеет архетипический смысл. На ранних этапах именно женщине принадлежала ведущая роль в обеспечении жизнедеятельности коллектива, воспроизводстве жизни, в структуре родства внутри племени, а, главное, в системе верований (культ Великой Матери, Матери Земли). С переходом же к эпохе Мирового Древа утвердилась оппозиция «мужское – женское» и усилились танатологические аспекты женской символики (женское оказалось в одном ряду с хаосом, темнотой, потусторонним, опасностью). Активизация созидательного женского потенциала с утверждением патриархата представлялась возможной лишь при условии управления женского мужским [3, с.149]. В романе Рошака Элизабет вспоминает, какой неожиданностью были для нее слова Франсины о том, что

Природа – «сама женщина; некоторые называют ее богиней». Подобное она встречала лишь в книгах о «древних временах». Тогда девушка возразила: «Бог – мужчина... Так меня учили. Разве есть другой бог помимо Его?» [5, с. 172]. Однако нам хотелось бы сосредоточить внимание на другой стороне смысла этой оппозиции – умении сочетать «мужское» и «женское» в мироощущении одного человека. Другими словами, на наш взгляд, в «Воспоминаниях Элизабет Франкенштейн» на первом плане – степень гармоничности человека, а тем самым – и его внутреннего благополучия. Судя по его выступлениям в печати, Теодор Рошак видит основу сути всех противоречий в обществе не в разделении людей на классы, а во внутреннем разладе индивидуальности. Источник отчуждения – в людях, и он является предметом не социологии, а психиатрии [10, с. 81]. И дело даже не в разделении человека и природы. Хотя это тоже опасно, с точки зрения Рошака. В «Where the Wastland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society» (1989) он писал, что наш мозг и наше тело говорят на разных языках: он на языке гордости, оно – на языке молчания и тайны. Наше сознание – вместилище числа, логики, механических связей; наше тело – интуиции [10, с. 82]. В другой, более ранней своей работе, «Человек» («Person») Рошак заметил, что расчленив «внутри» и «вне», очернив субъективное, настаивая на том, что фантазия – это всецело произвольное изобретение, мы сделали себя глухими к голосу сакрального [10, с. 82]. Отсюда – мотив отчуждения части «я». Изучение мотива поиска человеком собственного двойника в романе Рошака поможет проследить процесс отчуждения, которое переживает его герой, а также уяснить характер модели идеального человека – альтернативы испытывающему ужас от результатов своих экспериментов рационалисту. При этом «Воспоминания Элизабет Франкенштейн» Теодора Рошака оказываются в одном ряду с теми произведениями мировой литературы, в которых решается проблема способности человека раскрыть тайны мироздания и путей достижения им этой цели; взаимосвязанности всех явлений во Вселенной. В первую очередь – с

«Серафитой Оноре де Бальзака (не является ли в таком случае аллюзией имя старухи, руководившей инициацией Элизабет, – Серафина? – В.М.). Роднит их решение проблемы пути достижения гармонического сочетания мужского и женского, чувственного и интеллектуального начал, утверждение любви в качестве величайшего состояния духа и неперенной составляющей перехода в новое качество.

Сравним структуру произведений Мэри Шелли и Теодора Рошака. «Франкенштейн, или Современный Прометей» включает в себя двадцать четыре главы (если не учитывать обрамление – страницы писем и дневника Уолтона), об эксперименте Франкенштейна сообщается уже в первой части произведения, в четвертой главе. Таким образом, его структурное ядро – попытка Франкенштейна «подражать несравненным творениям создателя» и ее трагические последствия. В «Воспоминаниях Элизабет Франкенштейн», кроме замечаний «От автора», которые предпосланы и «Франкенштейну» Мэри Шелли, а также обрамления – «Предисловия» и «Эпилога», «принадлежащих» Роберту Уолтону, - четыре части. Центральное место занимает вторая часть, которая посвящена подготовке Элизабет и Виктора алхимическому браку. Что же касается экспериментов Виктора по оживлению мертвого тела с помощью электричества, то о них повествуется в середине третьей части, ближе к концу произведения. С точки зрения развития сюжета – это уже спад действия. Таким образом, читатель романа Теодора Рошака узнает об эксперименте Франкенштейна уже подготовленным к тому, что он завершится поражением, поскольку попытка леди Каролины смягчить неистовство сына, жаждущего превзойти природную стихию силой разума, добиться его союза с Элизабет, которая должна была стать Землей для его Неба [5, с. 199], закончилась «Крахом» (так называется последняя глава второй, кульминационной в развитии действия, части. Итак, центр романа Теодора Рошака составляет попытка «смыть» с человека «прах смертности». Элизабет вспоминает, что говорила им старуха Серафина перед началом занятий: «Мы не падшие

создания, как учат священники, но посланники света, которым предназначено сделать совершенней земное творение» [5, с. 220], а тем самым – вернуть человечество к состоянию Золотого века. Великое Делание, которое было «заветнейшей» мечтой матери Виктора леди Каролины, должно было показать «путь к обретению того потерянного рая» [5, с. 299].

С мотивом посвящения связаны подробные описания женских мистерий в романе. Когда Элизабет исполняется шестнадцать лет, она подвергается инициации. Вручая ей темный нож, который связывает женщину с землей, возглавляющая ритуал старуха Серафима говорит Элизабет: «Земля – женщина, как мы. Она рождает детей, как мы рожаем. Она творит деревья, и хлеб, и животных из своей плоти. Нам знакомо это могущество по собственному телу. Мужчины не обладают ничем подобным, что связывало бы их с землей; их невежество внушает им странные фантазии. Они кромсают землю, и лепят ее на свой лад, и роют. <...>. Они передвинули бы горы, если бы смогли, и заставили бы реки изменить свой собственный путь. Они думают, что смогут сделать с миром что хотят. Они ошибаются. Мы должны напомнить им об этом» [5, с. 156]. Центральное же место занимает мотив мистической женитьбы. В романе Бальзака Сведенборг, учитель барона Серафитца, открывает в нем зрение Внутреннего Человека, а затем находит для него в одном из своих видений «Ангельскую душу». От их «небесного» брака рождается андрогин Серафита-Серафитус. Так они исполнили свое назначение, ибо, как заявил у Платона Сократ, зачатие и рождение – проявления бессмертного начала в существе смертном. Именно таков смысл брака в «Химической женитьбе», одном из манифестов Розенкрейцеров. «Разум и Любовь, – пишет Мэнли П. Холл, комментируя это сочинение, – являются двумя великими этическими источниками лучезарности мира и говорят о просвещенном духе и возрожденном теле. Жених – это реальность, а невеста – это возрожденное существо, достигающее совершенства через становление в реальность посредством космической женитьбы, где смертная часть достигает бессмертия

в соединении со своим бессмертным источником. В Герметической Женитьбе божественное и человеческое сознание соединяются в священном браке...» [7, с. 636]. Любовь и в «Серафите», и в «Воспоминаниях Элизабет Франкенштейн» представлена той силой, на которой держится Космический порядок. В «Пире» Платона она обозначена как Афродита Урания (Небесная, чистая, возвышенная, возможная как самообладание). Это состояние, имеющее онтологический смысл: любовь тождественна существованию. Ее переживание может вывести человека за пределы временного, земного и приблизить к миру, где любовь бессмертна. «Речь идет, - высказывает предположение М. Элиаде, - по всей видимости, о наивысшей и драгоценнейшей степени совершенства: любить реально и одновременно двух существ противоположного пола. Это, разумеется, любовь серафическая, но при всем том ничуть не абстрактная, не всеобщая. Бальзаковский андрогин любит двух вполне индивидуализированных существ; то есть он укоренен в конкретном, в жизни. Здесь, на земле, он – не ангел, а совершенный человек, то есть “целостное существо”» [8]. Именно к такому браку готовила Виктора и Элизабет леди Каролина, мать героя в романе Теодора Рошака. Толкуя его смысл, Т. Коллинз пишет о достижении баланса между мужской и женской энергиями. Поэтому то, что происходит между Виктором и Элизабет, исследовательница соотносит с индустриальным разграблением планеты, усилением несовместимости человечества и остатков природного мира («the industrial depredation of our planet and the resulting disassociation between humankind and the rest of the natural world») [9]. Не отменяя подобного толкования романа, мы считаем возможным видеть в мистическом браке, к которому готовила Виктора и Элизабет леди Каролина, и попытку достижения совершенства мира путем создания совершенного человека. Элизабет вспоминает, как понимала готовившийся брак между нею и Виктором его мать: «Каждый из нас – лишь половина целого, говаривала матушка. То, что мы называем любовью, - это жажда обрести в другом недостающую половину». Во время одного из занятий она пережила

нечто подобное. «Чувствую, - записывает она, - мое тело начинает золотисто светиться; и в этом неземном жаре его и мое сознание соединяются в одно. Вижу себя в образе странного, прекрасного существа. Женщины? Или юноши ... юноши с девичьей грудью, который невесомо парит над нами. Знаю, это я – он, она, фигура, сотканная из света. Какой-то миг – но сколько он длится? – нет ни Виктора, ни Элизабет; есть только это Другое, которое – мы оба». И Виктор испытал то же. «Я был чем-то другим, - признался он после. – Одновременно тобой и собой, юношей и девушкой. И парил в воздухе, как дух» [5, с. 254]. Интересно, что именно в контексте категорий «свое», «иное», «другое» толкует смысл мифологемы «андрогин» Вардан Айрапетян. «Человек, - пишет он, - изначально нецелен, каждый вынужден судить о чужом внутреннем по себе и о своем наружном, тоже ведь недоступном нам, по другим людям. А цельный человек это соединенные «я» и другой, чужое тело и мой дух, для третьего изобразимые андрогинном или китайским символом инь-ян» (разрядка В. Айрапетяна) [1, с. 232]. Среди примеров, которые исследователь приводит в качестве иллюстрации идеи единения, - высказывание Аристотеля о том, что друг - «Одна душа в двух телах», высказывание «и будут (два) одна плоть» в Ветхом Завете (Бытие 2.24) [1, с. 284]. Таким образом, диалог Платона «Пир» – не единственный источник представлений об андрогине. Основываясь на том, что, согласно алхимической терминологии, одно из имен философского камня «Ребис» («двойное существо», «две вещи»), Якоб Беме вел речь о герметическом андрогине [8]. Мирча Элиаде в работе «Мефистофель и андрогин» подробно останавливается на высказываниях немецких романтиков, для которых андрогин представлял собой «тип совершенного человека в будущем». По мысли Риттера он должен быть рожден в результате мистического брака людей, мужчины и женщины. «Но супруг и супруга, - подчеркивал он, - сольются воедино в одном и том же сиянии». Тело же, которое должно родиться при этом, будет бессмертным [8]. Интерес романтиков к идеям андрогинности как гармоничного состояния тождества

мужского и женского начал в значительной степени был обусловлен исходным для них тезисом о тождестве духа и природы, об органической целостности отдельного Я и мира, об изначальном родстве всех форм жизни. Причем, далеко не каждому человеку могла быть открыта истина этого естественного идеального состояния. В первую очередь, это возможно для творческой личности. По словам Новалиса, поэт «представляет собою в самом действительном смысле тождество субъекта и объекта, души и внешнего мира» [4, с. 95]. Так же, как и в «Серафите» Бальзака, в повести русского романтика Н.А. Полевого «Блаженство безумия» выражена вера в бессмертие души и возможность для человека вспомнить о своем первоначальном – андрогинном – пребывании в идеальном мире. Герою повести Антиоху открывается истина о том, что раньше в очарованном райском саду жило существо, которое теперь пребывает в земном мире, но в разделенном состоянии, в облике двух разных людей – его самого, и его возлюбленной Адельгейды. Разлучены две половинки некогда гармоничного существа «злым демоном». Целью Антиоха становится возвращение себе и Адельгейде райского состояния.

В романе Т. Рошака Виктор Франкенштейн поначалу, находясь под влиянием матери и старухи Серафины, тоже представлял себе любовь как гармоничный союз женского и мужского, чувственного и интеллектуального. Уже после случившейся катастрофы, когда между ним и Элизабет оказался возможным, хотя и очень краткий, диалог, она вспоминает, чему он ее учил, показывая звезды: «...двойным звездам суждено вечно быть вместе – как возлюбленным, у которых нет иного выбора, как вечно вращаться друг вокруг друга, повинувшись взаимному притяжению. Альдебаран, кажется, означает «идуший вослед». Любовь – это своего рода следование, не думаешь? Желание быть вместе. Но ни одна из двух звезд не является ведущей. Обе – ведомые». Однако в конечном итоге, и в силу объективных причин (гибель Серафины, апатия леди Каролины, обнаружившей, что Виктор не подходит для Делания, и оно пошло в неверном направлении [5, с. 289-290]), но, главным образом, из-за уверенности Виктора в

том, что они с Элизабет смогут завершить алхимический ритуал самостоятельно, и его неспособности совладать с собой, все завершилось крахом. Дальнейшие эксперименты Франкенштейна, направленные на создание новой расы людей, счастливых и прекрасных, никакого отношения к тем андрогинным существам, о которых писал Платон в «Пире» не имеют. Детище Франкенштейна – сродни гомункулусу, фигура которого все чаще стала привлекать внимание Виктора в алхимических текстах. «Вот где, - вспоминает Элизабет его слова, - Великое Делание больше всего уподобляется работе Бога» [5, с. 302]. Но, в отличие от Парацельса, «непревзойденного гения медицинской химии», «вызвавшего» к жизни «маленького человека», Виктор Франкенштейн создал гигантское чудовище, которое совсем не годилось для исполнения приказаний людей [5, с. 302-303]. Интересно, как некоторые суждения Якоба Бёме и других теософов XVII века о грехопадении Адама перекликаются с тем, что сообщается в романе Т. Рошака о Викторе Франкенштейне. Одна из их фундаментальных идей теософов заключалась в том, пишет М. Элиаде, «что София, божественная дева, изначально находилась в Первом Человеке. Он пожелал над ней господствовать, и тогда Дева от него отделилась. Для Готтфрида Арнольда это означает, что плотское желание толкнуло Первого Человека на утрату этой “окультурной”, тайной супруги» [8]. Так и Виктор «возомнил себя», мысленно стал «над» природой, лишенной, по его мнению, души, а позже дал волю плотскому в себе. В результате «мужское» и «женское» остались оппозициями. А сам герой романа Т. Рошака лишь после столкновения со своим творением осознал, насколько опасны эксперименты с природой, которая в результате увлечения победами науки стала представляться ему лишь мастерской. «Альпы, - возражает он Элизабет, слышащей глубокое дыхание гор и высказывающей предположение, что люди – всего лишь сон спящей земли, - это нагромождение мертвых скал, только и всего. Когда-нибудь мы построим города на их вершинах. Мы подчиним их себе – и Монблан тоже» [5, с. 126]. Но естественное в нем не полностью

подавляется рациональным. Отсюда – его сомнения, внутренний конфликт, который он пытается скрыть, все реже появляясь дома и оставаясь наедине с самим собой. Поэтому трагична судьба не только Элизабет, над которой, как над природой, тоже все время ставили эксперименты, но и Виктора Франкенштейна, переживающего разлад с собой. При таком прочтении романа Элизабет и созданное героем чудовище – это олицетворенные половинки собственного «я» Виктора Франкенштейна: природное и рациональное.

Выводы. Литература каждой отдельной культурно-исторической эпохи, опираясь на миф, избирает в универсальном, архетипическом нечто «свое», то, что обусловлено специфическими для этой эпохи категориями, и по-своему его интерпретирует. «Воспоминания Элизабет Франкенштейн» - это роман об ученом, которому удается на основе научных опытов не только создать человекоподобное существо, но и дать ему жизнь. То есть, заменить Бога или же Природу. Однако победа человека оказывается и его поражением. Победа над смертью оказывается созданием новой силы, несущей смерть. В романе писательницы XIX века Мэри Шелли это поражение объясняется дисгармоничностью мира, который провоцирует озлобленность в творении Франкенштейна, но в еще большей степени - опасностью произвола ученого, который берет на себя роль демиурга (Прометея), оставаясь при этом обыкновенным, хотя и талантливым, человеком. Теодор Рошак переносит акцент непосредственно на внутреннее «я» ученого, его односторонность, отчуждение в нем природного от интеллектуального. Возможно, это связано с тем, что одной из главных задач современного человека является обретение согласия своих половинок. Ему необходимо найти себя. Показательно, что самому писателю помог открыть недоступные до того момента «тайны» переход на точку зрения Мэри Шелли или Элизабет. Эти тайны остались неразгаданными его героем. Что же касается мифопоэтического во всех рассмотренных нами произведениях, то оно, в первую очередь, позволяет судить об универсальности тех проблем, которые решает читатель вместе с

автором и его героями, о вечной устремленности человечества к внутреннему совершенству и к восстановлению изначального согласия с миром природы.

Литература:

1. Айрапетян В. Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски / Вардан Айрапетян. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 484 с.
2. Бальзак О. Де. Серафита / Оноре де Бальзак. – М.: ЭНИГМА, 1996. – 272 с.
3. Кісь О. Архаїчні та християнські чинники формування образу жінки в народному світогляді / Оксана Кісь // Народознавчі Зошити. – 2003. - № 1-2. – С. 147 – 151.
4. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / общ. ред. А.С. Дмитриева. – М.: изд-во МГУ, 1980. – 640 с.
5. Рошак Т. Воспоминания Элизабет Франкенштейн: роман / Теодор Рошак; пер. с англ. В. Минушина. – М.: Эксмо; Спб.: Домино, 2008. – 528 с.
6. Соколова Е.В. Диалектика «женского» и «мужского» в поэтическом цикле «Кризис» и романе «Степной волк» Германа Гессе / Е.В. Соколова // Гендерная проблематика в современной литературе: сб. науч. тр. /отв. ред. и сост. Н.Т. Пахсарьян. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 36 – 52.
7. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / Мэнли П. Холл; пер. с англ. – Новосибирск: Наука, 1997. – 794 с.
8. Элиаде М. Мефистофель и андрогин / Мирче Элиаде // режим доступа: www.gumer.info/.../Psihol/eliade/mefist.php
9. Collings T. Frankenstein and Feminism: Contemplating The Memoirs of Elizabeth Frankenstein / Tanya Collings // Anthropology of Consciousness. - 2011. - V.22 (1). – P. 66 – 68.
10. Coope J. The Ecological Blind Spot in Postmodernism / Jonathan Coope // New Formations. – April 2008. – № 64. – P. 78 – 90 // Режим доступа: <http://>

news – business viex.co.uk/vid/ecological – blind – spot – postmodernism -
65067244